

УДК 8017 : 81 42

СЕМИОТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ АНАЛИЗА АНТИЧНОЙ ЦИТАТЫ В ТЕКСТЕ И ДИАЛОГЕ³

Ю. Н. Варзонин

Тверской государственный университет
кафедра русского языка

В статье рассматриваются принципы семиотического анализа античной (латинской) цитаты в тексте и диалоге. Цитата рассматривается как сложный языковой знак, составляющие которого подвержены способности переинтерпретации.

Ключевые слова: *латинская цитата, знак, денотат, сигнификат, интенционал, экстенционал, интертекст*

В сетке вещания радиостанции «Комсомольская правда» существует рубрика «Уроки русского». В течение полуминуты или около того звучит поучительный, занимательный, познавательный текст, поясняющий происхождение и современное употребление того или иного оборота речи, большей частью фразеологизмов. Сами сюжеты с определённой периодичностью повторяются, а с учётом того, что содержательно они соответствуют достаточно высоким стандартам, велика вероятность надёжного закрепления в памяти озвучиваемой информации. Среди сюжетов встречаются и прочно вошедшие в русское языковое пространство элементы античной словесности. С некоторых пор в этой рубрике появилось упоминаемое в сочинении Гая Транквила Светония «Жизнь двенадцати Цезарей» изречение «*Resunia non olet*». Император Веспасиан обложил налогами общественные уборные в Риме, что вызвало бурное возмущение у его юного сына. Тогда отец бросил сыну монетку и спросил, пахнет ли она. Ныне, как сообщается в комментарии, эти слова произносятся в том случае, если деньги добыты не совсем честным путём. Следует отметить, что со стороны радиостанции это безусловно полезное и доброе начинание. Приведённый фрагмент способен продемонстрировать сложность и объёмность такой проблемы, как бытование вполне опознаваемого авторского высказывания в культурном пространстве.

В силу разнообразных, не всегда понятных и известных причин, некое высказывание становится цитируемым – этот аспект оставляем в стороне. С точки зрения семиотики, цитата представляет собой знак, включающий в себя план выражения и план содержания. Любопытно, что совсем не обязательным условием бытования остаётся конкретно языковое (материальное) воплощение плана содержания: «деньги не пахнут» всегда говорится по-русски, притом что «*casus belli*», «*amore, more, ore, re*», «*gaudeamus igitur*» и многое другое требуют исключительно латинского языка. Вряд ли такой факт может быть объяснён слишком высокой значимостью «запаха» денег и большей адаптацией этого речения в родной культуре. Начальные слова студенческого гимна могли бы точно составить конкуренцию деньгам уже потому, что через студенчество проходит огромное число лю-

---

³ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Древние языки в русской литературе XIX века», 12-04-00036.

дей, в памяти которых остаётся если не весь текст, то хотя бы первая строка. Однако буквальный перевод этой строки – «Давайте веселиться» – вообще не способен вызвать нужную ассоциацию. Наконец, часть античных афоризмов занимает своего рода среднее положение, когда одинаково годится и латинская, и русская языковая форма (конечно, с учётом стремительного исчезновения античной компоненты из современного образования можно предполагать, что латинская форма будет уступать русской и когда-то практически исчезнет). В качестве примера можно вспомнить «*Alea iacta est*» или «Жребий брошен».

План содержания подобного знака, разумеется, включает денотативную и сигнификативную составляющие. Удивительно, но в культуре они «живут» самостоятельной жизнью. Что касается денотата, то в данном случае таковым является ситуация-событие, зафиксированное Г. Т. Светонием. На протяжении многих столетий сочинение Светония входило в обязательный список авторов, с которыми европеец должен был познакомиться близко (об этом подробно говорилось в ...). Похоже, те славные времена европейской учёности безвозвратно ушли в прошлое и современный человек вовсе не обязан знать ту самую ситуацию, которая породила известное высказывание, если, конечно, он случайно не окажется слушателем какой-нибудь озбоченной просветительством радиостанции. При отсутствии знания о денотате сохраняется ли знак? По крайней мере, можно уверенно утверждать, что знак, ставший таковым при определённых условиях (то есть в процессе семиозиса), не деформируется до тех пор, покуда сознательно транслируется сложившаяся связь между означаемым и означающим. В данном случае правомерно говорить о бытовании именно данного знака, его идентичности.

Сигнификат, в свою очередь, неотрывно связан с денотатом и их языковым воплощением. Если вернуться к поучительному эпизоду общения Веспасиана со своим сыном, то само событие никаким образом не подразумевает чего-либо незаконного или нечестного. Обложение налогом не являлось, с точки зрения закона, преступлением, поскольку заведения, о которых идет речь, находились в одном ряду с другими (в наше время это никого не способно удивить, так что Веспасиан, похоже, смотрел не века вперёд). Г. Т. Светоний не сообщил, что так сильно в поступке отца задело сына, но почти нельзя сомневаться, что это и был специфический запах общественных туалетов, на который так лаконично и метко указывает языковая форма адресованного сыну риторического вопроса. Кроме прочего, есть и не подвергающийся усмотрению психологический контекст отношений отца и сына, их манеры общения, индивидуальных особенностей и так далее. Важно здесь именно другое – отсутствие той самой нечестности, или не совсем честности, которая связывается с цитатой в наше время. Значит ли это, что сигнификат перестал быть прежним?

Итак, языковая форма в рассматриваемом примере оказалась устойчивой и нетронутой (если не принимать во внимание перевод, хотя он сам по себе делает цитату уже фактом другого языка, а значит, и фактом другой культуры). В структуре знака на месте денотата образуется когнитивный вакуум, который должен либо разрушить знак, либо заполниться неким иным денотатом, что фактически и происходит. Мышление позволяет легко это сделать, причём в его распоряжении столь универсальные средства, что проблему практически не заметить: достаточно прибегнуть к спасительному обобщению «*Кто-то* сказал это». Понятно, остаётся вероятность узнать, кем был этот кто-то, но вероятность не является препятствием для пользователя знака, по крайней мере, присвоенного им знака. В конце концов, для пользователя куда важнее смысл цитаты. Оторванная от своего исконного де-

нотата, языковая форма обладает естественной способностью переозначивания, в результате чего отрывается и от своего исконного сигнификата. То есть тот знак, который восходит к описанному Светонием эпизоду, не является знаком, который наличествует в современной культуре. Точнее будет сказать, что в ней соседствуют и тот, и другой. Такое соседство будет продолжаться до тех пор, покуда условия семиозиса первичного знака не окажутся преданными забвению, что теоретически возможно. После того вторичный знак станет полностью знаком другой культуры.

Различение интенционала и экстенционала в семантике также проясняет способность трансформаций внутри знака. «Под интенционалом вообще понимается совокупность семантических признаков, а под экстенционалом – совокупность предметов внешнего мира, которые – если говорить не об их существовании, а об их определении – определяются этой совокупностью признаков (иногда говорят, что интенционал – это содержание, а экстенционал – это объём понятия ...). Интенционалы занимают срединное положение между выражениями языка и предметами внешнего мира» [4, с. 20]. Если анализ начинается от экстенционала, то ему могут соответствовать различные интенционалы и языковые выражения; важно, чтобы все они были пригодными для идентификации этого экстенционала, поскольку те же языковые выражения способны соотноситься с иными экстенционалами и порождать новые определения, то есть интенционалы. Таким образом, для сохранения целостности знака привязка к экстенционалу оказывается необходимой и вопрос о том, сохраняет ли знак свою идентичность при забвении экстенционала, встаёт заново. Если же поиск значения идёт не от экстенционала, то языковое выражение и интенционал легко заполняют при необходимости место экстенционала, когда он не может быть установлен однозначно.

Интенционал порождает «возможный» мир, который может не иметь ничего общего с реальностью. Роль интенционала высока и значительна в литературе, и здесь уместно напомнить, что большая часть античных цитат восходит к литературным источникам. «Литературный дискурс семиотически может быть определён как дискурс, в котором предложения-высказывания и вообще выражения интенционально истинны, но не обязательно экстенционально истинны (экстенционально неопределённые). Это дискурс, интенционалы которого не обязательно имеют экстенционалы в актуальном мире и который, следовательно, описывает один из возможных миров» [4, с. 22]. Отмеченная особенность совсем не означает, что связь интенционала с экстенционалом произвольна и необязательна, ведь в свою очередь литературный текст сам становится *вещью* в мире, а соотношение интенционала с экстенционалом в известной мере объективируется – отсюда следует, что всё-таки знание этой связи для пользователя необходимо. Однако вместе с тем здесь же утверждается, что интенционал может стать источником производства нового экстенционала, для чего необходимо наличие интерпретации, порождённой языковым выражением в индивидуальном (и даже новом авторском) сознании. В этом случае под интерпретацию *подстраивается* более или менее устойчивый экстенционал. Совсем не исключено, что новое означивание станет конкурировать с прежним или даже затмит его. В той же радиорубрике звучит рассказ о том, как высказывание Плавта «*Номо homini lupus est*», совсем не утверждавшее «волчьи нравы» в человеческих отношениях, стало указывать именно на это благодаря переинтерпретации (новому интенционалу) Дж. Локка. Новый контекст (новый ли знак?) окончательно заслонил собой прежний, и теперь даже с Плавтом может связываться то значение, которого он вовсе не знал.

Если на проблему смотреть со стороны прагматики, то пользователь знака обладает преимущественным правом подвергать его переинтерпретации – такова естественная коммуникация. Ограничен пользователь только необходимостью быть воспринятым и понятым – это требование единственно удерживает его от ничем не ограниченной произвольности интерпретации знака в отношении плана содержания. Понятие интертекстуальности способно эту ситуацию прояснить. «Каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нём на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах; тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры. Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат. Обрывки культурных кодов, формул, ритмических структур, фрагменты социальных идиом и т. д. – все они поглощены текстом и перемешаны в нём, поскольку всегда до текста и вокруг него существует язык. Как необходимое предварительное условие для любого текста интертекстуальность не может быть сведена к проблеме источников и влияний; она представляет собой общее поле анонимных формул, происхождение которых редко можно обнаружить, бессознательных или автоматических цитат, даваемых без кавычек» [4, с. 36–37]. Надо признать, что функционирование (в том числе античных цитат) вполне согласуется с приведённым классическим определением понятия интертекстуальности, которое полностью оправдывает возможность безгранично вольных истолкований цитат (правда, в строгом смысле цитатами их назвать уже нельзя, поскольку цитата предполагает известную точность; с цитатой новую интерпретацию объединяет теперь только материальное сходство, то есть языковая форма). Параллельно с этим никуда не исчезает возможность использования в коммуникации цитаты в строгом смысле, когда сохраняются исконные условия семиозиса, включая и их повторные интерпретации при условии, что они обретают в дискурсивной практике черты устойчивости (как в случае с Дж. Локком). Со знаком пользователь имеет дело и в том, и в другом варианте, хотя и не совсем ясно, с одним ли и тем же. Кроме того, в диалоге возможно столкновение этих вариантов, которое, скорее всего, спровоцирует снижение уровня взаимопонимания.

Когда исходят из реальности интертекста, имеют в виду также и возможность движения элемента интертекста «вверх» – к ценностям данной культуры, в её концептосферу. Так и античная цитата сначала становится фактом родного языка, открывая возможность новых интерпретаций. Если культура начинает ассоциировать с определённым концептом материально совпадающий с античной цитатой языковой материал, то это уже факт другой культуры, который вовсе не должен соответствовать модели соотношения той же языковой формы оригинала цитаты и соответствующей ей концептосферы (если такое соотношение вообще существует). И очень мала вероятность совершенно совпадающих моделей в одной и другой культуре.

Чаще всего при анализе античных цитат, особенно в литературных произведениях, говорится о неточности или искажении оригиналов. Но семиотический взгляд на проблему говорит о том, что всё много сложнее, поскольку являясь языковым знаком цитата обладает всеми свойственными ему характеристиками, а природа языкового знака такова, что позволяет всякий раз означивать ситуацию заново, сама же ситуация всегда уникальна, отчего воспроизведение первичной, породившей знак, ситуации невозможна.

Список литературы

1. Варзонин Ю. Н. Studium Latinum в европейском образовании XIX века // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. Тверь. 2012. № 21. С. 180–188.
2. Варзонин Ю. Н. Lingua nemini aliena: латынь в Европе XIX века // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. Тверь. 2013. № 10. С. 113–121.
3. Варзонин Ю. Н. Когнитивно-дискурсивный анализ античной цитаты в художественном тексте // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. Тверь. 2013. № 32. С. 70–76.
4. Степанов Ю. С. В мире семиотики // Семиотика: антология. М.: Деловая книга, 2001. 702 с.

SEMIOTIC ASPECTS OF LATIN QUOTATIONS ANALYSIS IN TEXT AND DIALOGUE

Y. N. Varzonin

Tver State University

The department of Russian language

Some semiotic aspects of Latin quotations analysis in text and dialogue are the subject of this article. The quotation is understood as a complex verbal sign different parts of which can be reinterpreted.

Key words: *Latin quotation, sign, denotation, signification, intertextuality.*

Об авторе:

ВАРЗОНИН Юрий Николаевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Тверского государственного университета (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: yunvarzonin@gmail.com.